

Имя Александра Васильевича Адрианова появилось в томской печати в год 70-летия советской власти. В газете «Красное знамя» несколько номеров печаталась эпопея про чекистов «Подвижники революции». Воспроизводилось постановление Томской уездной ЧК об очередной карательной акции. В списке лиц, «запятнавших свои руки в рабоче-крестьянской крови» и расстрелянных 7 марта 1920 года, первым стоит имя редактора газеты «Сибирская жизнь» А.В. Адрианова.

“ОСТАЛСЯ до последнего момента непримиримым врагом пролетарской революции”, — подводит черту постановлению ЧК. Видимо, так оно и было. Не мог Адрианов принять большевистского переворота, для которого невооруженные граждане — «многоликий и коварный враг». Но вот боролся он с большевиками только печатным словом. А победившая власть, если перефразировать ее политического трибуна, приравняла к перу штык. Да и авторы эпопеи (она печаталась в 1987 году!) «не решились» сказать о том, что не запятнал Адрианов рук в крови, что в дни ареста и расстрела это был 67-летний старик. Не посмели предположить, что ударом, от которого он не смог оправиться, а значит, и достаточным наказанием была для него потеря любимой «Сибирской жизни». Нет, газетчик, воевавший только словом, оставался врагом народа. А ведь и сам он предвидел это в 1917-м, когда написал: «В самом деле, разве не проще и не сильнее ответить на призывы к разуму одним презрительным словом «буржуй» или уже грозным «контрреволюционер?»»

Александр Адрианов родился в 1853 году в Тобольской губернии. Окончил естественноведческое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. С 1879 года — постоянный сотрудник Г.Н. Потанина, участник и организатор ряда этнографических и археологических экспедиций по Сибири и Монголии.

В 1880 году Адрианов предпринимает первую самостоятельную экспедицию по исследованию древней истории Южной Сибири и сопредельных территорий. Этому и посвящена большая часть адриановских исследований. В поисках Александру Васильевичу сопутствует удача. Но за этой удачей Адрианов со спутниками отправлялись труднопроходимыми тропами, а то и вовсе по бездорожью, преодолевая на лодках и плотах громадные расстояния. Им обнаружена масса петроглифов — наскальных рисунков.

Результаты его поисков — различные находки, предметы быта, религиозных культур — рассредоточены сейчас во многих музеях страны: в Императорской археологической комиссии, различных отделах Географического общества, в музее археологии и этнографии Сибири при Томском университете.

В музеях России хранятся и фотографии, сделанные Адриановым в разных медвежьих углах. Он одним из первых оценил важность фотографии как источника научной информации, как свидетеля жизни стихийной, «неприбранной», натуральной. Он в числе пионеров окончил курсы фотографов, и с первых путешествий верным помощником исследователя стал фотографический аппарат. Это не было любительством. Современные мастера камеры отмечают несомненное мастерство Адрианова-фотографа.

В 80-е годы был сотрудником «Сибирской жизни», три года — ее главным редактором. Газета была закрыта за антиправительственное направление. Но в те «вегетарианские» времена отстраненный от любимого дела Адрианов не «получил срок» и не стал изгоем общества. Вынужденно проживая некоторое время в Минусинске,

КОГДА ПЕРО ПРИРАВНЯЛИ К ШТЫКУ

БОЛЕЕ СЕМИДЕСЯТИ ЛЕТ ПОТРЕБОВАЛОСЬ ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «СИБИРСКОЙ ЖИЗНИ» АЛЕКСАНДРА АДРИАНОВА

он вернулся к занятиям археологией. Результат изысканий — солидный труд «Очерки Минусинского края». Перу Адрианова принадлежат также работы: «Путешествие на Алтай и за Саяны», «Город Томск в прошлом и настоящем», «Томская старина», «Периодическая печать в Сибири». Перечень этот говорит о широте интересов Александра Васильевича, что роднит его с великим земляком Григорием Потаниным. Потанин был его старшим товарищем. Оба они дорожили этой дружбой.

В 1916-1919 годах Адрианов — главный редактор газеты «Сибирская жизнь». Это издание пользуется большой популярностью у читателя, имеет влияние и добрую репутацию в обществе. Редактуру Адрианова пришлось на страшное лихолетье России — первая мировая, февральская революция и октябрьский переворот, гражданская война, которая в Сибири приняла особый, затаенный характер. В этих условиях «Сибирская жизнь» сохраняет верность лучшим демократическим традициям. И, конечно, идеология ленинцев никак не вызывает адриановских симпатий. «Работа анархического большевизма с государственной точки зрения носит разрушительный, дезорганизующий характер и ведет государство к гибели. Нам грозит общинация, одичание и застой». Согласитесь, что, по железной логике большевизма, этих слов было достаточно для вынесения смертного приговора.

В декабре 1989 года газета «Красное знамя» отметила дату — 70 лет установления в Томске советской власти. Среди прочих материалов я увидел с полсотни строк под заглавием «Из дневника А.В. Адрианова». Стояли подписи подготовивших полосу — историк Н. Ларьков и сотрудник партархива А. Одинецкий. Неужели дневник Александра Васильевича хранится в архиве Томского обкома КПСС?

— Да, — подтвердил при встрече Николай Ларьков. И обнадежил:

— Времена нынче другие, проси, покажут.

Правда, меня не только допустили в святая святых, но и позволили почитать несколько страниц этого дневника. Увы, это были лишь фотокопии. Интересно, что бывший заведующий партархивом (ныне покойный) М.И. Чугунов — точный, аккуратный архивный работник — не оставил запись об источнике информации.

Я наводил справки. Ни в краеведческом музее, ни в государственном архиве, ни в музее истории, археологии и этнографии университета никакого дневника нет. Справился в КГБ. Ответили, что и у них нет ни дневника, ни следственного дела.

И вдруг в начале 1991-го узнаю, что следственное дело существует и как раз сейчас находится в прокуратуре, где рассматривают, возможна ли политическая реабилитация Адрианова. Оснований для реабилитации не нашли и познать меня с документами категорически отка-

зались, ссылаясь на гриф «Секретно».

Однако томские интеллигенты, что называется, без спросу открыли памятную доску Адрианову на доме, где работала «Сибирская жизнь» (угол переулка Нахановича и улицы Гагарина). Это отдельная героическая история. После данной акции областная прокуратура объявила — таки о политической реабилитации редактора газеты.

Опущу также историю моих новых обращений в комитет госбезопасности. Весной 1993-го мне был назван день и час встречи. И вот я — впервые добровольно — прошел в один из кабинетов КГБ и открыл папку со следственным делом Адрианова. Следственное дело, конечно, фикция. Он был арестован 22 декабря 1919 года, спустя пять дней были взяты предварительные (и единственные) показания. В частности, Адрианов пояснил: «Свою работу в «Сибирской жизни» я считал методом политической борьбы, а отнюдь не преступлением, так как в газете я помещал статьи, в коих выражались мои политические убеждения».

Среди обвинительного материала — это газетные вырезки, официальная и частная переписка — были мною обнаружены и листы дневника, написанные его четким нестарческим почерком, хотя шел Александру Васильевичу 67-й год (я опубликовал адриановские записи в альманахе «Сибирская старина» №6 за 1994 год).

29 февраля 1920 года на заседании томской ЧК заслушали вопрос по обвинению редактора «Сибирской жизни» в контрреволюционных действиях и постановили: «Применить высшую меру наказания — расстрел. Имущество конфисковать».

Дату смерти с полной достоверностью трудно назвать. О том, что приговор приведен в исполнение, газета «Знамя революции» сообщила 7 марта 1920 года.

Газета эта, кстати, стала выходить на базе «Сибирской жизни» сразу после закрытия последней в декабре. И доска, посвященная ее редактору Вегману, тоже на здании редакции есть, только с другой стороны. Такой вот сегодня получился плюрализм.

Хочу привести одну запись из предсмертного дневника Александра Адрианова.

«19 декабря... Пользуясь праздничным днем, я пошел навестить гр. Н. Потанина в госпитальную клинику... Он очень слаб. Улучшения, говорит, нет, все слабеет и думает, что не встанет. Голова, говорит, не работает, «я теперь неинтересный, скучный, не отзываюсь на происходящее». Газету ему уже не читают — ему трудно слушать и усваивать... Одиночество и это лечение без какой-либо определенности болезни ему тягостны, он передумывает, перебирает в памяти прошлое... Организм заметно разрушается, и духовные силы, до самого последнего времени еще побеждавшие физические немощи, ему изменили.

На переднем и обратном пути к клинике я встречал разъезжавших в кошечках красноармейцев с винтовками, видел на Садовой и какой-то пеший отряд с красным флагом, встречал группы городской самообороны с винтовками, слышал неистовые крики у «Дома свободы», видимо, то были приветствия ораторам».

С тяжелым чувством прочел я тогда в чекистском архиве эту запись. Александр Васильевич, сострадая Потанину, видимо, не предполагал, что великий старец переживет его (правда, на каких-то три месяца). Наверное, он не подозревал и о том, что этот декабрьский шашаб с неистовыми криками, с красным флагом вовлечет его в свою смертельную свистопляску. Ведь он не считал свою работу преступлением. Но пришли люди другой генерации, разом отменившие все нормальные человеческие понятия и представления...

■ Владимир КРЮКОВ